

НЕЛЛ УАЙТ-СМИТ

ДЕМОНОЛОГИЯ И Я СНЫ ЗИМЫ

Нелл Уайт-Смит

**Демонология и я.
Сны Зимы. Часть 2**

«Издательские решения»

Уайт-Смит Н.

Демонология и я. Сны Зимы. Часть 2 / Н. Уайт-Смит —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939074-5

Это — вторая часть книги, которая повествует о приключениях чёрного кота-оборотня Пушистика, описание которых должны бы включать в себя слова «забавно» и «трагично», но вместо этого включают механизм разбалансировки всей мировой механики, до того успешно колонизировавшей Хаос. Большие и страшные, милые и древние, молодые и миниатюрные демоны сражаются кто за мир, а кто — против мира, формируя тем самым поле для бурной деятельности Пушистика как первого и единственного демонолога на свете.

ISBN 978-5-44-939074-5

© Уайт-Смит Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
И снова здравствуйте, мои дорогие читатели!	6
Краткое содержание предыдущих событий	7
Демонология и я. Сны Зимы	8
Часть вторая	9
Пролог	9
Глава 1	13
Я, очень тёмное место, поездка и город, которого нет	13
Глава 2	25
Я и плохая погода в городе Цветные Крыши	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Демонология и я. Сны Зимы

Часть 2

Нелл Уайт-Смит

© Нелл Уайт-Смит, 2019

ISBN 978-5-4493-9074-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9075-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

И снова здравствуйте, мои дорогие читатели!

Мне очень приятно было написать в заголовке вот это вот «снова», поскольку, как это ни удивительно, но вы держите в руках, читая в бумажном или электронном виде продолжение моего magnum opus.

Текст, которую вы читаете – это вторая часть книги «Сны Зимы». Она является первым томом серии романов «Демонология и я». И, поскольку «Сны Зимы» я, в силу излишней толщины книги, вынуждена издавать тремя частями, то тут для каждого читателя очень важно держать ухо востро и не запутаться. Итак, на следующей странице вас ждёт **вторая** из трёх частей книги «Сны Зимы». То есть, это – ровно середина истории, а сама книга началась в первой, и закончится в третьей части. И если вы, по каким-то причинам решили начать своё знакомство именно с этого места, то я настойчиво вас призываю изменить своё мнение и начать сначала.

Впрочем, так, или иначе, я очень рада видеть вас на пороге этого странного мира, где нет деревьев, людей и государств, но зато есть механическая Луна, паровые Машины Творения, поезда-призраки, работающие на самоцветных сердцах и карамелька (как вы понимаете, последним я горжусь более всего остального).

К сожалению, формат издания не позволяет мне разместить в конце книги глоссарий, но зато на обороте этой страницы вы сможете найти QR код. По нему вы попадёте на мою страницу vk, а уж там этот глоссарий размещён в совершенно открытом доступе и постоянно обновляется. А если вы из тех, кто желает знакомиться с миром по мере погружения в него, то примите мои заверения – значение всех терминов будет понятно из текста.

Обращайте внимание на сноски, там полезная для восприятия мира и сюжета информация.

Ну и... в добрый путь!

Эта книга – часть мультимедийного проекта SilverCast

Выпускающий продюсер – Наталья Тимофеева

Редакторы – Ксения Краевская и Наталья Ковалёва.

Приятного чтения!

Краткое содержание предыдущих событий

(на случай, если вы их забыли или никогда не знали)

Черный кот-оборотень Китен (черный во всех ипостасях) уже десять лет беспочвенно мечтает стать демонологом. Демона он, правда, видел один раз в жизни. Но зато этого случайного взгляда Китену хватает для того, чтобы влюбиться в Зиму, супругу верховного демона мира Часовщика. За десять следующих лет ничего не происходит, но зато потом, при таинственных обстоятельствах другой демон, Ювелир оказывается ранен и болен непонятно чем. В попытке вылечить его, сохранив всё в тайне, Хранитель Храма, механический Дракон осматривает мир в поисках подходящего специалиста, и видит душу Китена, который по привычке мечтает стать демонологом и поесть.

Китен оказывается в Храме: бессонном городе-механизме, стоящем на границе Хаоса и мира. Случайно, Китену удаётся помочь Ювелиру, а кроме того узнать, что причина его болезни в нападении Тени – одного из существ, стремящихся трансформировать нынешний мир в его иную форму, Лабиринт. Эти существа преобразуют всё, чего касаются в новый вид материи. Все начинают говорить о возвращении Всадницы Хаоса, противницы Храма и мира.

Из-за действий Китена, Тени попадают в домен Зимы, ледяную систему озёр «Сны Зимы». Пришедший в себя Ювелир приказывает уничтожить зараженные площади. За это Часовщик изгоняет его из Храма, но не отменяет приказ. Зато демонесса Оружейница рада выполнить всё исполнить, получив взамен свободу в выражении собственных чувств к миру. Оружейница очень любит мир, а всё, что она любит она уничтожает.

Пытаясь спасти домен возлюбленной, Китен становится свидетелем её диалога с Часовщиком. Зима оказалась, поражена Тенями. Она отказывается покориться Часовщику даже ради лечения. Часовщик убивает Зиму. Поскольку смерть Зимы происходит в домене Оружейницы, то последняя объявляет свои права на тело Зимы, имеющее могущественные источники энергии и одновременно с этим – войну Храму.

А Китен пытается встретиться с новой инкарнацией Зимы, сделав это как можно незаметнее. Всё проходит не слишком удачно и Китен, (уже разнесший несколько залов Храма в предыдущих главах), сваливается на голову Часовщику в прямом смысле слова. Китен не пострадал, а у Часовщика началась интоксикация ядом стратегического класса. Яд находился в его организме и ранее, но никак себя не проявлял до травмы.

Со всем этим пытается разобраться старший брат Ювелира и Часовщика, сотворивший солнце и спроектировавший Луну, демон Конструктор, который ранее, следя за происходящим, мог только громко высказываться в общенно-негативном ключе.

Он категорически не согласен со всеми решениями Часовщика. С его точки зрения Китен – защитный механизм Храма. Поскольку все и каждое, беспорядочные на первый взгляд, действия непонятно откуда взявшегося Китена охранили Храм от хорошо составленного плана, способного в течении суток поставить на колени мир.

Тем не менее, Китен не доверяет никому и, оставшись предоставленным себе всего на десять минут, уговаривает Лири (дочь Ювелира и жены Конструктора) бросить всё и перенестись из Храма неизвестно куда (где, возможно и было совершено исходное нападение на Ювелира) для того, чтобы разобраться со всем лично. Вот с этого момента мы и продолжим

Демонология и я. Сны Зимы

Часть вторая

*Посвящается Татьяне Казунке,
Скарлетт Вратаски и Ксении Краевской
с глубокой благодарностью за то, что мы успели сделать это по-
быстрому*

Пролог

Лунный свет способен растопить любые слова любви. Перед тем как войти в Башню-из-Ветра-и-Пламени, Конструктор посмотрел на Луну. Её белое, налитое ярким собственным светом тело чем-то напомнило ему тело женщины, отяжелевшей перед родами. Демон на мгновение задержал взгляд на её сияющем, подрагивающем в темноте беззвёздной ночи диске, напоминавшем о близости Хаоса и, наклонив низко голову, вошел в Башню-из-Ветра-и-Пламени.

Старший из двух его телохранителей дал команду заходить, основываясь только на том, что звуки битвы внутри верхнего этажа стихли. Луна смотрела вслед воинам, охранявшим демона, не моргая. Она рождала в сердце мастера Конструктора плохие предчувствия.

Конструктор не боялся за себя, но понимал, что внутри кроме Оружейницы не осталось никого в живых и что демонесса крайне опасна. Из первой атакующей группы никто не выжил. Отдавая ей приказ идти в бой, Конструктор понимал риск. Но на Храм, уже освещённый ярким оком полнолуния, Храм стоящий на самой границе Хаоса, у порога Войны Теней, шла волна смерти. И делать следующий шаг, не решив конфликт с Оружейницей, казалось слишком опасным. Поэтому Конструктор отдал приказ атаковать. Первая группа сделала всё правильно, но бой перешёл в ближнее столкновение и затем... всё стихло затем. Тогда Конструктор принял решение войти в Башню самому. Его охранять вызвались добровольцы.

Сделав первый же шаг внутрь, демон наступил в кровь, поскользнувшись. Один из воинов поддержал Конструктора и тот, подняв взгляд на внутреннее помещение, застыл.

Весь рабочий зал Башни утопал в крови и ликре. Они находились повсюду, всё ещё истекая из отрубленных конечностей и выпотрошенных тел.

Демону потребовалось несколько секунд, прежде чем он справился с собой и заговорил. – Здравствуй, – сказал тихо Конструктор, обращаясь к Оружейнице.

Она сидела на корточках возле одного из мёртвых тел и с наслаждением высасывала спинной мозг из верхних позвонков поверженного воина. Этим она утоляла многовековой голод, в котором её держали почти с самого пришествия.

– Здравствуйте, мастер, – отозвалась она, подняв голову и оставив свою пищу, – я благодарю вас за этот подарок. Мой муж никогда не умел становиться настолько сладким. Он слишком ладил с болью, вероятно. Жизнь казалась мне такой пресной, пока вы не взяли его под свою руку Храм.

Конструктору содрогнулся от её слов, но тон, с которым она произнесла их, показался ему очень взвешенным, если не приветливым. Тихое, полное уверенности в себе спокойствие, которого он никогда прежде не видел в имевшей обыкновение позвякивать бубенцами в заколках Оружейнице, сейчас пугало демона. Конструктора пугал блеск Луны на латах его телохранителей. Иррационально, затрагивая что-то глубоко в его сердце, напоминая игру теней в механической роше, пугал.

– Если, – демон сделал паузу, но затем взял себя в руки, – если ты закончила трапезу, светлая госпожа...

– Нет, – улыбнулась Оружейница, – далеко нет, но многие из тех, кого вы прислали мне в подарок, ещё живы. Хорошо, когда страдание перед смертью длится несколько часов. Совесть и устав не позволят никому из них закричать и сделает ещё слаще...

– Ты нужна своему мужу, – оборвал её Конструктор, процедив слова сквозь сцепленные зубы. Он почувствовал влагу внутри ботинка – это кровь и ликра, разлитые здесь, промочили обувь, – его жизнь в большой опасности, и я не знаю... не знаю, где он сейчас и как его искать.

В силу заключённого брачного договора Оружейница имела право однажды прийти к Ювелиру, где бы он ни находился, и Конструктор видел в этом последнюю возможность помочь ему.

– Что мне до этого? – спросила Оружейница, поднявшись и неспешно подойдя к телу Зимы. – Мой муж загадал желание, и, выполнив его, взамен я получила свободу. Это честно. Вы знаете честность?

– Да, – согласился Конструктор как мог терпеливо, – я знаю честность.

– Тогда почему вы смее не уважать решения моего мужа и вашего брата, господина Храма?

– Ты не смеешь...

– Ювелир покинул нас. Его здесь нет, – холодно продолжила говорить Оружейница, – здесь я и вы. Я предъявила свои права на Храм. По праву он мой.

– Зачем он тебе? – спросил её тихо демон, всё ещё желая вернуть разговор к судьбе брата.

– Мне нужен Храм, чтобы разрушить его до основания в час полной Луны. Вам нравится Луна? Она мне кажется вестником смерти, который так стремится доказать этому миру, что мир существует, что мир – реален. Что мир – жив. В этом суть вестника смерти – доказать, что жизнь есть. Луна – это вестник смерти, но её никто никогда не слушает. В час полной Луны я приглашу Хаос в этот мир, и Хаос докажет, что мир существует. Что вы мне дадите для того, чтобы я отказалась от этих прав и намерений?

– Ничего, – тихо и неожиданно спокойно ответил Конструктор, – ты ничего не получишь.

При этих словах один из телохранителей Конструктора единственным, холодным и точным движением убил другого. Тело погибшего воина ещё не успело упасть на и без того залитый кровью и ликрой пол Башни, когда его убийца встал между Конструктором и Оружейницей.

– Возьмите меня, светлая госпожа, – сказал он, глядя на демонессу с лихорадочным воодушевлением в глазах, – я жил и сражался всегда лишь только для того, чтобы однажды стать для вас полезным.

– Что ты сделал, как ты посмел? – низко прорычал Конструктор. – Если ты влюбился, безмозглый дурак, то лучше бы упал на меч и закончил со всем этим! Сейчас речь идёт не только о тебе. Речь о всём мире, а если тебе и наплевать, то, знаешь ли, всё лучше, чем лечь с ней! Она сожрёт тебя заживо!

– Да! – отрезал молодой воин, раскрыв широко сияющие в серебряном лунном свете крылья. – Да! Не смотрите на него, светлая госпожа, посмотрите на меня. Посмотрите же! Я шел к вам всю свою жизнь, и я здесь.

– Оружейница, ты можешь взять Золотые Кроны себе! – крикнул Конструктор. – Это огромный город, на чьих улицах великое множество механических деревьев, и их листья пускают латунные блики на мостовую и дома. Этот город уходит своими корнями в старый мир, его подняли к жизни черные локомотивы Рода – великого завода, построившего Луну. Возьми себе Золотые Кроны как откуп!

– Я слышала, Золотые Кроны прекрасны, как ваше сердце, – промурлыкала Оружейница, глядя на Конструктора сквозь перья механических крыл молодого воина, – но вы готовы отдать мне два миллиона жизней, великий мой господин. Согласны отдать детей и стариков. Разве

это действия того, чьё сердце прекрасно? Если Золотые подобны вашему сердцу, то мне они не нужны.

– Я говорю с тобой как с частью моей семьи! – выкрикнул Конструктор, но Оружейница посмотрела на молодого воина, ещё не преодолевшего страх перед убийством создателя мира, и обратилась к нему:

– Убей мастера Конструктора для меня, а я тебе за это улыбнусь.

Воин обернулся, одним взмахом меча планируя отсечь голову демону, но Конструктор успел перехватить лезвие, приняв его на руку. Меч застрял в костях. Они пытались пересилить друг друга, пока Оружейница говорила:

– Убей, и я тебя за это поцелую, вгрызусь клыками в твои губы. Я отдамся тебе, нарушив брачную клятву. Я лягу с тобой, если ты его убьёшь, и умру от этого. Но не всё ли тогда будет равно, если мастер Конструктор уже станет моим?

– Мальчик мой, что ты творишь? – крикнул Конструктор, – ты под прицелом целой армии!

Воин жестоко улыбнулся, отметив взглядом бывших боевых товарищей, готовых атаковать, и в эту секунду небо вокруг Башни-из-Ветра-и-Пламени оделось огнём. Сработала система огненного покрытия над Храмом, выжигая всё вокруг межей. Все выжившие из второй группы атаки бросились в бой.

Конструктор не успел перехватить следующую атаку молодого воина, и тот с огромной силой ударил его крылом. Демон инстинктивно захотел исчезнуть, но переломил себя, понимая, что таким образом может попасть в ещё худшую ловушку. Следующий удар сокрушил его кости рёбер и позвоночника справа, ушиб лёгкие. Острие клинка поразило его голову, войдя в кость нижней челюсти у горла. Конструктор понял, что этот удар должен был попасть под подбородок и убить его, но молодой воин промахнулся. В следующее мгновение другой воин крылатого легиона прижал Конструктора к полу, закрыв его своим телом.

Какое-то время демон справлялся с болью и повреждениями, переживая необычайно болезненную регенерацию. А затем его защитник обмяк.

Сбросив с себя мёртвое тело, Конструктор поднялся на колени и обернулся назад, на Храм, откуда прислали третью атакующую группу. Более многочисленную, чем прошлую.

– Я услышал тебя, – быстро заговорил демон, поднимаясь перед Оружейницей, обходящей его по широкой дуге, хищно улыбающейся и держащей в обеих руках оружие, – я услышал тебя, я... могу предложить тебе что-то... Возьми Хрустальное Око! Это озеро-механизм, лежащее глубоко под шапками ледников. С тех пор, как Ювелир пострадал в Хаосе, я отдал этому проекту всего себя! Я вложил в него всё своё творчество, всю свою страсть!

– Я слышала, Хрустальное Око прекрасно, как ваш разум, – сказала демонесса, сев на корточки рядом с телом вставшего за её воина и сняв с него шлем, провела по шее и поморщившись в гримасе разочарования, – но прекрасен ли разум того, кто узнав, что брату нужна настоящая помощь бежал так далеко, на север, вне зон связи, лишь бы только купить себе забвение? Кто, обещав обратное, бросил родного брата?

– Так же, как и ты! – сорвавшись, обвинил её Конструктор.

– Если Хрустальное Око так же прекрасно, как ваш разум, то мне не нужно оно.

Демон снова обернулся на Храм. Третья группа была уже очень близко. Словно танцующая пьяная женщина светила на Башню и Храм, полная тёмных пророчеств...

– Луна, – еле сдерживая злость и агрессивное, сотрясающее изнутри раздражение прорычал Конструктор, – ты хочешь от Меня Луну. Возьми её, если ты хочешь!

– Я хочу, – ответила Оружейница без тени издёвки или бравады, – чтобы вы разговаривали со мной откровенно и серьёзно. Не планируя обмануть, выиграть время, дав щедрое обещание, которое не планируете выполнять, и не смотря свысока.

– Хорошо, – согласился Конструктор, понимая, что последние секунды перед новой атакой уже на исходе, – хорошо, я действительно хотел выиграть время, предлагая то, что не хотел отдавать. Сейчас я тебя внимательно слушаю. Чего именно ты хочешь?

– Я хочу, – сказала демонесса, – чтобы вы легли со мной здесь. В крови тех, кто умер из-за вашей невнимательности и глупости, и среди тех, кто ещё мучительно умирает. И любили меня без искренности и без нежности, но со всей страстью так, как только можете ради жизни Храма, ради безопасности братьев, ради защищённости ваших городов.

– Ты безумна, – тихо произнёс демон.

– Ну, что ж, – хищно улыбнулась Оружейница, быстрым движением взяв оба меча, рядом с которыми она всё это время держала пальцы, – я возьму себе Храм, потому что он прекрасен, как ваши губы, а я, пусть даже мне придётся отсечь вашу голову, я всё равно поцелую вас в губы!

Новые воины ворвались в Башню серебряной лунной волной. Они напали все как один под последний крик Конструктора:

– Убейте! Убейте кто-нибудь эту женщину!

Глава 1

Я, очень тёмное место, поездка и город, которого нет

Перед самым пробуждением я опять видел Зиму. В одном из тех ясных, хотя и сюрреалистических снов, что рождают в вас чувство зноя, хотя вашему телу совсем и не жарко. Я испытывал какое-то ощущение подавленного желания эротического толка. Я видел Зиму где-то на краю... утёса, может быть, или высокой башни. Шел мокрый снег, а, может, изморось или, может, всё укрывал плотный туман. Водяной завесой был я сам, и я... пытался обнять мою Зиму. Я пытался от чего-то её спрятать, а потом... хрустальный купол Бирюзовых Сводов дал трещину, и весь океан упал на нас.

Я очнулся, дёрнувшись, и почти сел с перепугу, но потом ко мне вернулось самое обычное на свете желание продолжать валяться и никуда не вставать. Я лёг обратно, всё ещё не осознав где я и кто, пытаюсь вернуться в приятный полусон, но потом понял, что лежать неприятно, нежиться негде, а чуть позже понял, что замерз.

Медленно восстановив в памяти последние воспоминания, я сделал вывод, что мы не в Храме (голые влажные камни, где я лежал, очень вряд ли могли оказаться Храмом, если только он не развалился весь до основания). А если мы не в Храме то, видимо, Лири всё же удалось переместить нас туда, где предположительно находился Ювелир, когда на него напала Тень...

Тень! Я вскочил, подумав о ней, но вслед за этим неприятным озарением вспомнил, что никого здесь нет, поскольку Тень убил Ювелир. Откуда я это знал? Помнил это место, этот мрак, запах сырого камня и почти слышал мужской голос, звучавший из тьмы, но почему? Потому что мне это приснилось? Очень глупо считать, что здесь безопасно только потому, что впечатления последних дней сложились в один слаженный сон. Я перевёл дыхание, осознал, в какой я ипостаси, и помахал руками, чтобы согреться.

Температура тут, нужно сказать, освежала: в воздухе пахло сыростью и землёй. Стояла темнущая темень. Такой уровень непроглядности словно бы сам собой достаёт блокнотик и предлагает вам список того, что вы всегда хотели сделать, но стеснялись. Вот я бы поел.

Сон быстро растаял. Напрягши мозги, я вспомнил события, предшествовавшие нашему бегству из Храма, и начал уже беспокоиться о Лири, но почти первым же движением наткнулся на что-то лежащее на полу, и, нагнувшись, нащупал её руку. Удивительно, какие грубые у неё оказались пальцы и какие неестественно холодные. Как у трупа, наверное, не меньше. А потом я понял, что это и есть рука трупа. Я даже не понял, что почувствовал в тот момент: то ли как волосы шевелятся, то ли как седеют.

Как она могла совершить ошибку, стоившую ей жизни? Почему она вообще стала пытаться перенести нас, если знала насколько это рискованно, и главное – почему не предупредила меня об этих опасностях, ведь уж всяко не мне следовало оценивать шансы погибнуть. Что я теперь буду делать здесь один? Как вернуться в Храм или хотя бы попаду в другой город, и как... как, во имя Сотворителя, мне теперь поступить с её телом, ведь я не могу его бросить здесь просто так...

– Пушистик, ты проснулся? – донёсся до меня из-за спины громкий голос Лири.

– А-а-а-ага, – сообщил я, в сложном вокальном упражнении умудрившись перевести вопль ужаса в согласие. – Я решил, что ты умерла.

– Это тело охранницы Ювелира. Рядом лежал самоцветный камень, я его уже убрала к себе. Я думаю, демон действительно осознанно подставился, если не ради Иннар, то ради того, чтобы телохранительница отдала за него жизнь в неравной схватке. С Тенью могу спра-

виться некоторые демоны, но механоиды им неизбежно уступают в скорости. Даже телепаты из Крылатого Легиона. Демон, конечно, бросил её одну, хладнокровно следя за тем, как благородство ведёт её к гибели.

Это предположение очень ладно согласовывалось с моим сном. Но если пик Дара здесь достигла телохранительница, то где же Иннар? И была ли она здесь вообще?

– А где мы находимся, ты знаешь? – спросил я, выпрямившись и отойдя от мёртвого тела подальше, оттягивая при этом промокшую от скопившейся на камнях влаги штанину подальше от кожи, уже покрывшейся пупырышками. Но из-за здешних особенностей освещения в том, чтобы удалиться, я преуспел не особенно.

– Мы где-то посреди ничто, направо от неизвестности, – сообщила мне Лири, и я, не задумываясь, её поправил:

– Железной дороги.

– Что?

– Я всегда завершаю такие фразы присказкой «направо от железной дороги», а ты «направо от неизвестности». Просто забавно, – улыбнулся я.

– Пушистик, мы не знаем, где мы! Возможно, отсюда вообще нету выхода! – выпалила Лири, и я собрался напомнить ей, что никакой я не Пушистик, что Конструктор себе позволил непонятно что, и у меня имя есть, но тут подумал, что спорить с так быстро приклеившимися кличками глупее глупого. Поэтому я вздохнул и начал вещать Лири то, чему меня учили на курсах содействия попавшим в чрезвычайные ситуации:

– Не бойся. Сейчас мы живы, не ранены и нам ничего не угрожает. Не может быть, чтобы из этого помещения не нашлось выхода. Я думаю, нам следует искать проход тактильно.

В этот момент мои пальцы как раз нащупали шершавый камень, я безбоязненно подошел к стене и даже сам как-то успокоился. Судя по текстуре камня, мы всё-таки оказались в пещере. Вообще, я думал, что к этому времени глаза уже должны бы начать привыкать к темноте, но этого всё не происходило, и никакого выхода я не находил.

– В конце концов, – выдохнув сам, успокоил я Лири, – мы ведь можем вернуться так же, как и прибыли!

Дальше дело шло так – я обследовал пещеру, а Лири читала мне лекцию о том, почему мы не сможем вернуться в Храм с помощью камней.

Тут нужно сказать, что Лири не умела делать две вещи: признавать свои ошибки и врать. И от этого неловкого сочетания она пустилась в очень пространные рассуждения о том, как произошло то, что произошло, и как камни стали бесполезны. В том, о чём она говорила, я, как вы понимаете, совершенно ничего не смыслил.

Я, разумеется, ничего из этого объяснения не помню, но вот специально для этой книги я не поленился и пригласил к себе на чашечку чая одного из ограничиков (вы его не знаете). Он поведал мне, что, скорее всего, Лири просто не умела пользоваться камнями для мгновенных перемещений. В те годы несовершенство технологии делало это сложным и в немалой степени опасным делом. То, что мы вообще попали туда, куда собирались, объяснялось тем, что Лири начала готовить камень правильно, но затем где-то ошиблась, а камень сработал от выброса энергии, что произошел, когда Конструктор порвал локальные межи мастерской. Сам камень при этом, вероятнее всего, повредился и замкнулся или даже треснул. Словом, уже не годился для дальнейшего использования без дополнительной огранки.

Но в то время я, постаравшись абстрагироваться от этого, принялся искать выход, ощупывая всё подряд, и задумался о своём. Наконец, я спросил Лири, прервав её рассуждения:

– А чем Иннар вообще могла заинтересовать Ювелира как женщина? Что в ней такого?

– Моя мать работала инженером, – гордо ответила Лири. – Потенциалом она превосходила Мастера, он прислушивался к ней и давал ей всё, что она хотела, потому что видел, как она изменяла завтрашний мир. Её проекты до сих пор очень сильно опережают время.

Возможно, её следует признать самым талантливым инженером за всю историю. Такая душа, конечно, не могла не привлечь демона...

– Вы называете «демоном» только Ювелира? – быстро задал я уточняющий вопрос, уже давно крутившийся в голове. Я как-то скорбно заметил, что лучше всего собирается самая бесполезная информация.

– Да, – ответила мне огранщица и вернулась к старой теме, – и поскольку свет души Иннар полностью поглотил демона, вызвав страстное желание... – дальше я особенно не слушал – Лири начала как по бумажке произносить ожидаемые реплики, которые, хотя где-то и пересекались с действительностью, всё равно нуждались в делении на два, а то и на четыре. Что-то вроде: «Трам-пам-пам... сгорал от страсти... тыры-пыры... такая вся недоступная, а такой хороший Конструктор, тря-ля-ля, такой плохой Ювелир...» О, кстати!..

– Лири, а почему ты считаешь, что твой отец – Ювелир?

– В смысле? – сделала вид, что не поняла вопрос Лири. – Потому что так считает Центр, ты сам видел двойной кулон.

– Да, я видел кулон, но вот сам Конструктор считает иначе, он считает тебя своей дочерью, почему ты не согласна с ним? Ведь очень неприятно считать себя нежеланным ребёнком, результатом насилия, при том, что любящий отец и мастер совсем рядом, да и к тому же весьма симпатичен тебе...

– Вот именно! Мастер Конструктор слишком много страдал в этом поколении, но есть я, и я уйму его боль и успокою его сердце, когда мы поженимся...

«Ох... ты ж... беда какая...» – подумал обречённо я, невольно закрыв руками лицо.

– Ой! – неожиданно встрепенулась Лири. – Пушистик, я нашла здесь лаз! Стенки ровные, как отполированные, наверное, здесь шла Тень. Значит это – правильное направление.

– Хорошо, – поспешил я взять ситуацию под контроль, – Лири...

– Я пойду вперёд!.. – последний произнесённый ею звук перерос в удаляющийся вниз визг, прежде чем я успел добраться до того места, откуда звучал её голос.

За то время, пока звучал крик, я передумал очень много чего выразительного и очень мало чего цензурного. Но главное, что я помню об этом моменте, – ощущение ушедшего в пятки сердца, какое раньше я испытывал всего разок, когда оставленный на моё попечение воспитанник рабочего дома трёх лет от роду вывалился у меня на глазах из окна четвёртого этажа. Надеяться, что эта пещера оборудована так же, как и мой родной рабочий дом, где в тот раз сработали спасательные сетки, я, конечно, не мог. Но зато, бросившись вперёд и споткнувшись о тело охранницы, расшибив себе колено в кровь и стукнувшись до искр из глаз лбом о камень, получил немного времени на размышления, пока не мог встать. Тогда я подумал, что наверняка всё не так и плохо. Каким-то задним умом я сообразил, что ход, куда свалилась Лири, не может быть вертикально отвесным, а значит, и шанс выжить у неё есть.

– Пушистик, я жива! – донесся приглушённый голос Лири откуда-то из тьмы. Я ответил ей не сразу, а полежал полминутки, порастирал ушибленную ногу и поразмышлял немного о том, что будь у меня дочь, то на месте великих господ Конструктора и Ювелира я бы подал в суд на тех, кто её так воспитал. И требовал бы там их публичных телесных наказаний. Но потом уделённая мной самому себе пауза прошла, я выдохнул и двинулся на звук голоса Лири, возвестившего мне как раз:

– Но есть проблема!

– Ты застряла там? – экстраполировал я на неё свой последний опыт.

– Нет! – у меня немного отлегло от сердца. – Но я не могу двинуться ни вперёд, ни назад!

– Это и называется «застряла»!

– Нет, «застряла» – это когда что-то не даёт пройти дальше и вернуться назад, а здесь путь свободен, просто он очень узкий и гладкий – я не могу даже встать на четвереньки, и зацепиться не за что!

– Нет, «застряла» – это... – начал уже влезать в препирательства я, но прочувствовал всю их бессмысленность и потому просто спросил раздраженно, – зачем ты вообще полезла туда?!

– Я же ниже тебя и тоныше!

– Я оборотень, дура! – проорал я прямо в лаз, и, высказавшись, привалился спиной к стене, чтобы пораскинуть мозгами. А что, если она теперь там умрёт? Как мне с этим жить? Глупая девчонка ни о своей жизни не думает, ни о жизни нормальных механоидов.

– Пушистик, здесь тянет свежим воздухом. Наверняка есть выход. Прыгай сюда, обернувшись котом, – ты сможешь меня подвинуть вперёд.

– Нет! – крикнул я туда ей. – Я не полезу в одну ловушку с тобой только потому, что ты с головой не дружишь! Я придумаю, что можно сделать ещё! Найду помощь! – я иссяк, подохрипнув, и подумал, что так она, наверное, решит, что я бросил её, и продолжил чуть спокойнее:

– Не бойся там: я всё решу! – подумал ещё и добавил. – Главное – оставайся на месте.

Следовало вставать и искать помощь. С первым я худо-бедно справился, и вот тут из глубин бездонного мрака донеслось злое приглушенное рычание. Оно говорило с моей внутренней механикой, вызывая первобытный, как перед лицом самого Хаоса, ужас. Я застыл, надеясь, что если не буду двигаться, то его источник пройдёт во мраке мимо. Но с каждым мгновением звук становился всё ближе, и у меня не оставалось сомнений в том, что тот, кто его издаёт, прекрасно видит меня. Я перестал дышать. Существо рядом со мной зарычало громче, сделав быстрый мощный рывок от утробного угрожающего звука в открытую яростную агрессию, предшествующую смертоносному прыжку. Не дожидаясь атаки, я перекинулся котом и прыгнул в лаз.

Нельзя сказать, что я полетел вниз. Скорее слишком быстро спустился по крутой горке с очень неприятной остановкой в конце. Будь я чуть тяжелее – сломал бы Лири ноги, а себе шею.

– Ну вот, так лучше, – заключила девушка, когда я остановился. Я же, отчаянно проскользывая лапами, пытался подвинуть её вперёд, но даже со всем ускорением мне не хватило ни сил, ни веса. Я попытался перекинуться механоидом, но в результате вышло и того хуже, и я вернулся в кошачий облик.

– Лири, там...

– Это была я. Акустическое эхо из родных камней я делать умею. Теперьними с меня ботинок. Смотри...

– У тебя вообще есть где-нибудь мозги? – потерял я над собой контроль и какое-то время высказывался в адрес впечатавшихся мне в морду её специальных, дорогуших, созданных исключительно для механических ног, ботинок. А когда иссяк, то просто лёг, запретив ей что-либо говорить, и какое-то время молча злился. Мысленно я открывал свою будущую книгу, и, отслюнявив палец, пролистывая такие важные главы как «браки» и «смерть» демонов, я принялся заполнять стремительно толстеющую главу «как узнать: гонятся ли за вами на самом деле». Наверное, именно она обеспечит моему труду коммерческий успех.

– Ты же не хотел ко мне сам прыгать, – не слишком искренне извинилась Лири, когда ошибочно решила, что я с ней снова готов разговаривать. – Сними с меня правый ботинок и шейным клапаном прижмись к моему клапану на пятке. Здесь в тоннеле есть дырочки – это следы когтей Тени. Ты цепляйся за них своими когтями и толкай.

– У меня недостаточно веса. Мне не хватит сил, – напомнил я ей с мрачной рассудительностью.

– На это у меня есть решение.

Я выслушал её решение, покритиковал его для вида, но дальше, поскольку идей лучше у меня не нашлось, начал заниматься его претворением в жизнь. Я всё ещё злился на Лири, и потому все её попытки начать разговор пресекал. Обернувшись механоидом, я в страшной

тесноте и темноте действительно стянул с неё ботинок, сразу позаботился о носке, вложив внутрь обуви и пропихнув поглубже.

Чтобы сам ботинок не потерялся, я привязал его шнурками к своему – решение показалось мне простым и довольно удобным, хотя и отняло у меня несколько обращений и немало нервов. И после того, как я это всё сделал, то понял, что простым и удобным решением было привязать ботинок ко второму ботинку Лири, а не к моему. Я вздохнул, тихонечко застонал, прикинув время на исправление и решил оставить как есть. Дальше я закатал ей штанину до колена и отжал в названной мне последовательности потайные кнопки, освобождая в ликровые вены содержащуюся в изолированных сосудах присадку.

– Пушистик, у меня голова кружится, и мне плохо, – заявила мне Лири, как только модификатор ликры бросился по её венам.

– Постой-постой, – успокоил я её, наклоняя голову и касаясь шейным клапаном её пятки, – сейчас мы увеличим круг ликрообращения, и станет легче.

Когда я совершил озвученное и наши системы соединились, я смог, имея на это право, признать, что эта присадка ударяла в голову. Я даже задумался сперва, не опьянею ли сам, учитывая то, как давно я нормально не ел. Но, с другой стороны, ещё я очень давно не чистил ликру, а это, в свою очередь, тормозит интоксикацию. Впрочем, уже через несколько секунд стало ясно, что присадка не настолько крепкая, чтобы мне стоило беспокоиться.

– Наши тела, особенно механика, – начала вещать Лири, – сильнее, чем мы думаем, только...

– Слушай, а почему, – прервал я её, нащупав точки-дырочки, пригодные для того, чтобы за них цепляться, – Тень сделала коридор? В смысле, она какое-то черное вещество абсорбировала, а другое нет. Как так?

– Они же контролируют, что возвращать в первородное вещество. Они же умные. Они как Хозяин Гор, но не демоны... – Лири задумалась и закончила мысль, – действуют иначе и в остальном тоже другие.

– А откуда берутся?

– Из Хаоса. Они находились повсюду во время Первой Войны Теней, и некоторым удалось спрятаться так глубоко под землю, что они смогли спастись. После войны, как я слышала, Хозяин Гор бросил многие свои Цитадели, и демон набредал пару раз на Теней, когда забирался в самые древние из них.

– А что это за цитадели такие? – прокричал я.

– Ну... вроде башен или подземных башен... такие... как, – Лири перевела дыхание, и я отметил, что у неё стал заплетаться язычок, – как башни, только более механизмы. И они со временем все уходят под землю, движутся к центру земли. Какие-то дальше, какие-то ближе, другие совсем на поверхности, и никто не знает, зачем они нужны. И даже Мастер, а он многие из них сделал сам. После Первой Войны Теней в двадцать пятое-тридцатое поколение нового мира многие из них остановились, и тоже по непонятным причинам. Если кто-то и знает, то господин Часовщик и Мастер. В любом случае демон несколько раз забирал камни из сердец брошенных цитаделей и там натёкался на Теней. По крайней мере, один раз в Черной Цитадели.

– И с тех пор там кратер радиусом в Золотые Кроны и глубиной в Девятую Гору, – вспомнил я слова Коды. – Ну ладно, значит, мы, возможно, в одной из этих старых цитаделей, то есть в машине, а значит, отсюда можно выбраться.

– Если мы на полпути к центру земли, то нет.

– Но если нет, то да! – парировал я, осмыслил глубину поэтичности сказанной фразы и перевёл тему. – И ещё это значит, что Тень, ранившая Ювелира, пришла не из Хаоса, значит, нет никакого Всадника Хаоса, нет никакого Лабиринта, и вся эта шумиха на пустом месте.

– Именно поэтому, Пушистик, – наставительно сказала мне Лири, – о том, что мы нашли, нельзя говорить никому в Храме.

– Это ещё почему? – уточнил я, уже начав на неё раздражаться.

– Иначе вернут демона.

– Лири, мне вот интересно, а ты сама всю глубину нереализуемости своих глупых надежд действительно не осознаёшь? – поинтересовался я, надеясь на лучшее, хотя уж сколько раз твердили миру, что это всё бесполезно. На это Лири мне ответила оглушительным криком и пропала. Я остался один в абсолютной темноте, а потом донесся Лирин смех. Снизу.

– Всё хорошо? – спросил я, осторожно пробуя лапами камень перед собой.

– Прыгай, здесь низко. Ничего не будет твоим маленьким-маленьким лапкам, господин черный кот! – донеслось вниз, и Лири опять рассмеялась. – Расскажи мне, черный кот...

– Лири, ты что-то видишь вокруг себя? – крикнул я ей вниз.

– Нет, но здесь ветер. Наверное, мы близко к поверхности!

Я, стараясь не думать о том, как, опустившись вниз, можно стать «ближе к поверхности», осторожно, по-механоидному пополз задними лапами вниз и обернулся, стукнувшись головой о...

– Паровоз?!

– Нет, это... Машина Творения, судя по запаху. Машины Творения пахнут как... – она попыталась найти слово, – Машины Творения.

И снова рассмеялась, а потом прибавила эдак «загадочно»:

– Зато я, наверное, смогу сделать здесь свет. Но... мне кажется, я не могу встать. Это из-за присадок? Это потому что я использовала присадки, да? – она проговорила, как мне показалось, сквозь слёзы.

– Да, – констатировал я, на ощупь стараясь понять, где именно мы находимся, – тебя снесло как следует.

– Это ужасно. Это исползаххра. Что я могла сделать, чтобы этого не допустить?

– Пить чаще, – вздохнул я, и, бросив безрезультатные попытки определиться в пространстве, обратился к ней, и физически, и интонационно. – Ничего, всё само собой пройдёт, можно подумать, ты никогда не... – фразу я не закончил, поскольку понял, что она действительно никогда не напивалась, не снюхивалась, не пила хи-хи-чай и не баловалась ликровыми присадками. Я даже больше того понял: наверное, она никогда и не пробовала ничего этого даже кончиком языка. Сердце моё от этого понимания сразу смягчилось к ней, наполнившись искренней жалостью.

Я подумал о том, какой серой и собранной была, наверное, её жизнь – бесконечная зубрёжка, занятия, работа и никакого отдыха, и никаких действенных средств расслабиться. Ничего удивительного, что эта навязанная аскеза испортила ей мозги, заставив выдумать эту дурацкую влюблённость в опекуна и эти рюшечные планы на его счёт.

Эти эмоции заставили меня успокоиться и начать предпринимать более осмысленные действия. В конце концов, если здесь есть паровоз, то от голода мы уже точно не умрём, так что по большому счёту бояться нам особенно нечего.

Я ощупал Лири, бегло убедившись в комплектности её конечностей, а после уделил внимание ощупыванию паровоза. Довольно скоро мне удалось найти ровную площадку, где я мог бы оставить Лири, зная, что девушка останется в относительной безопасности, и заняться разведкой окрестностей. Всё это время я по очередной воспитательской привычке держал одну ногу рядом с подопечной, чтобы знать, что она не переместилась мгновенно в какое-то новое опасное место, как часто бывает с младенцами и пьяными друзьями. Поэтому дальше я просто поднял Лири на руки, исполняя задуманное.

Я очень радовался тому, что уже минуты полторы ничего не происходило особенного, а Лири молчала, но зря: стоило мне оторвать её от земли (а механические ноги очень сильно отягощают хрупкую девушку), как огранница разрыдалась:

– Эту присадку использухра!..

– Не говори со мной на лайре, – прокряхтел я замечание в её адрес, пребывая в твёрдой уверенности, что использовать словообразующие части слов мёртвых языков, просто приклеивая их к современным корням, в приличном обществе запрещено грамматикой и этикой. – Мне сложно вспоминать его суффиксы... или... окончания? «Хрра» – это что-то ведущее к смерти. Глагол, к которому оно крепится, означает действие, ведущее к смерти?

– К гибели в недрах Хаоса, – поправила меня Лири, и вернулась к своему горю, – они меня накажут, ведь я напилаххра.

Я осознал, что раньше она молчала, потому что думала. Плохо, когда она болтает не думая, но обратное – ещё хуже.

– Я никому не скажу, – ответил я, поняв, что забыл, где находилась та площадка, а Лири оттягивает мне руки. – Центр не узнает.

– Центр, Пушистик, – сообщила мне Лири, – узнает всё.

И тут она оказалась как-то довольно-таки права, поскольку я одновременно и узнал, и являлся немножечко Центром. Я не ответил сразу, но уже через секунду нашарил площадку, куда собирался закинуть Лири, и сразу же успокоил её:

– Ну, даже если узнает, там же все вменяемые специалисты, погрозят немного и спишут всё на серьёзную ситуацию. Не калёным же железом тебя станут жечь!

С этими словами я сгрузил её на паровоз и Лири издала истошный вопль, а я одновременно и перепугался за неё, и ощутил усталость. Я потянулся выяснить, что случилось, а Лири лягнула меня в грудь и уехала вместе с поездом.

Да... поезд просто... включил двигатели и уехал. Хотя точнее сказать – начал движение, набирая ход. Я, сделав вдох, через пару крайне неудачных попыток все-таки побежал вслед за ним, зацепился за что-то, и в этот момент резкая вспышка света резанула мне по глазам.

– Сними! – орала дурным голосом Лири откуда-то спереди. – Она забирает всё!

Я на её крики, занятый только тем, чтобы как-то забраться на набирающий скорость, невидимый от слепящего света паровоз, уже не обращал внимания. Почувствовав под руками что-то вроде поручней, я подтянулся, надеясь проморгаться уже в относительной безопасности. Но всё оказалось не так просто: что-то упорно тянуло меня назад.

Нашупав горизонтальную поверхность, где сидела Лири, я пополз вперёд и сразу получил от огранницы в нос механической ногой, а отвернувшись, чтобы перетерпеть боль, упёрся по привычке к свету взглядом в черные-черные глаза какого-то неизвестного мне механоида. Он и пытался стянуть меня под колёса.

Я хотел врезать ему со свободной ноги, безбожно промазал, но зато второй ботинок Лири, привязанный к моему шнурками, оказался более меток и расквасил нападавшему нос. Второй и третий раз я уже попал самостоятельно. Этот механоид пропал из виду. Не в силах терпеть мысль, что на мне сейчас кровь, зараженная Тьмой, я быстро стянул испачканный ботинок, и тот сразу пропал под колёсами, утащив за собой и Лирин. Я прополз немного вперёд, уворачиваясь, когда получалось, от брыкающейся пьяной женщины:

– Да что с тобой?! – крикнул я ей, чтобы урезонить, но она не слышала меня, плача и воя.

Когда я попытался её зафиксировать, она выгнулась, и я почувствовал, что её рабочий пояс буквально раскалился. Зафиксировав девушку кое-как, я подтянул рукав на пальцы и справился с ремнём. У меня имелось несколько близко знакомых монтажниц и девушек-механиков, и я заглядывал к ним на работу, поэтому, как застегнуть ремень, я бы вряд ли сообразил, но вот с обратной операцией справился успешно.

– О, Сотворитель, Лири, да зачем ты столько это терпела? – обругал её я. – Неужели ты сама снять не могла?

– Она забирает всё! – заорала на меня Лири. В интонациях Лири всё ещё чувствовалось опьянение, что несколько успокоило меня, потому что присадочная интоксикация ликры всё-таки притупляет боль.

Ограница же с расширившимися от ужаса глазами пыталась в буквальном смысле слова уползти от раскаляющегося всё больше самоцветного оборудования на своём поясе. Его я убрал от нас подальше. Девушка прижалась к кабине оператора, и тут я заметил, что мы можем забраться внутрь... чего?.. Машины Творения? Паровоза?.. Я подёргал дверь, но она оказалась закрыта. И тут Лири перестала кричать: она замерла, смертельно побледнев.

Я первый раз в жизни видел, как механоид трезвеет на глазах. Когда кто-то окосел от одного запаха, в этом почти никогда нет ничего плохого, но когда кто-то резко протрезвел – пиши пропало. Я обернулся, уже заранее будучи в ужасе, но подготовленных запасов мне трагически не хватило – у нас за спиной клокотал сам Хаос. Враг. Хтонический отец всех кошмаров собственной персоной.

Я никогда его раньше не видел, но тем не менее сразу узнал (как и Тени, как и Часовщика). Потому что это всё жило в моей механике, в ликре, костях и крови.

Хаос находился вот прямо здесь – мы всё это время отъезжали от него, но на самом деле проехали метров двести, а это так незначительно. Он нависал над нами, и я даже не мог отвернуться, потому что у меня просто не имелось на это воли. И именно от него и исходил тот ветер, который Лири всё это время считала за признак выхода на поверхность.

Отец Всех Кошмаров открыл нам свои объятия, и только огромная механическая кольцевая арка казалась мне здесь последним оплотом существования. Механическая арка. Зловещая и притягивающая взгляд, а за ней... там почти в самом бешеном танце безумного вещества...

– Это Машина Хаоса, – сказала мне Лири, – он действительно пришел, – заключила она, имея в виду Всадника. В этот момент Машина Творения начала подъём и свернула, скрыв Хаос от наших глаз, и я, пусть и испытывая острую потребность в том, чтобы замкнуться на всю оставшуюся жизнь, всё же предпринял попытки вернуться к реальности.

Действуя не разумно, а по наитию, словно кто-то другой управлял моим телом и смотрел через мои глаза, я снял носок с ноги, только что лишилась ботинка, и наступил на платформу Машины. И ничего не почувствовал. Температура здесь держалась около нуля градусов. Для механоида с таким количеством ликры, как у меня, это очень морозно, но холода от железа я не ощутил. Тогда я поднял взгляд на раскалённый пояс Лири и понял, что это гораздо лучше и больше поможет мне. Я потянулся к нему, но ограница тут же повисла у меня на руке:

– Всё хорошо! Это меняет всех, но всё хорошо! Сейчас всё пройдёт, – она обняла меня, и что-то в запахе её волос показалось мне настоящим, материальным, трогательно простым, и эта простота, совсем сакральная, совсем магическая, заставила меня вздрогнуть и обнять Лири. – Что мы наделали с тобой? – заплакала она у меня на плече. – Зачем полезли в тот лаз? Нам не следовало!

– Следовало, – уверенно заявил я, жалея, что выпить нечего, – у нас не было другого выхода. Из той пещеры мы могли выбраться только так. Мы идём своей судьбой и...

Именно в этот момент мы проехали мимо трупа телохранительницы Ювелира. Тело иронично лежало в двух метрах от железной дороги и в трёх метрах от лаза, куда мы зачем-то попёрлись, вместо того, чтобы... Я обернулся и подумал: «Ну да, вместо того, чтобы пойти в другую сторону, наверх, где находятся вот эти большие ворота наружу, и в них мы сейчас врежемся».

Что-то беспомощно промышав, я стиснул Лири и изо всех сил прижал к кабине, а сам очень вовремя схватился за поручень. Машина Творения заурчала ниже: камень из души погибшей крылатой воительницы засиял изнутри и пошел трещинами. Замки на воротах, мас-

сивные петли, да и местами сами створки содрогнулись и раскрошились, сам металл раскалился чуть ли не докрасна, пошел трещинами. А я запоздало понял, почему Лири не могла снять пояс: Машина просто держала её, подавляя волю. Она – специалист по удалённому оперированию материей, телепат, мастер по работе с первородным веществом и рыженькими дурочками.

Вот что имела в виду Лири, вопя про то, что она «берёт всё»: пытавшаяся сбежать Машина, как только мы принесли ей камни, начала тянуть из них энергию, нужную, чтобы двигаться. Я чуть пригладил холодный черный корпус в знак признания и уважения. Касаться Машины Творения – почти то же самое, что возвращаться в настоящий мир. Я выдохнул от облегчения, и мы врезались в ворота. Те распахнулись от удара настежь.

Нас затопила ещё одна волна слепящего света. На этот раз – дневного. В лицо пахнуло свежим ветром и начало совсем по-железнодорожному потряхивать. Уже совсем хорошо.

– Ну вот, мы и выбрались, я... кажется, в порядке. Ты не пострадала? – спросил заботливо я у огранищицы.

Лири мне не ответила, и это как-то приглушенно на фоне пережитого напугало меня, но... всё оказалось в порядке: Лири смотрела на город. На удивительный, красивый город, лежавший вот-вот уже совсем близко к нам внизу, раскинувшийся, как на столе скатерть, среди вышитых гладью линий железных дорог.

Мы ехали по живописной горной дороге, спускающейся в долину, а там, чуть подальше города, разостлась серым шелком вода. Озеро? Море? Я никогда не видел столько воды в одном месте, я только читал в книжках о том, что столько бывает.

Большой город у моря. Большой, прекрасный город, укрытый нежной дымкой тонкого осеннего дождя и застенчивых розоватых сумерек, пробивающихся через низкие серые облака. Этот тающий вечерний свет... Неужели его нежная вуаль так слепила меня?..

– Лири, но ведь ты говорила, что мы отправляемся прямо в дикие места, что там одни пустоши вокруг, – пробормотал я.

– Да, – согласилась девушка, глядя на ровные линии проспектов, шпили высоких зданий и бляхи площадей, – здесь не может быть города, просто не может быть! Ты что, не понимаешь, где мы находимся?

– Нет, конечно! Как я это определяю?

– Вон, – начала мне пояснять так, будто всё станет понятно от этого, Лири, – Немые горы, это...

– Я не знаю, где эти горы, это вообще бессмысленно знать! Город же есть! Там же межи, о, Сотворитель, у нас нет назначения! Мы умрём при пересечении межей!

– Да. Мы туда въедххра, – подтвердила довольно спокойно Лири. Она прижалась спиной к Машине Творения.

– Но... у меня открытое назначение! – вспомнил очень кстати я, мгновенно перейдя к восторгу от полного отчаянья. – Я могу пересекать любые межи мира!

– У меня нет никакого назначения, кроме Храмового, – снова подала бесцветный голос девушка, чем очень сильно меня насторожила на свой счёт. Я вроде бы отошел от Хаоса. А она? Неужели только сейчас осознала, что мы видели? Я выдохнул, взял в себя в руки, а потом взял в руки её, немного встряхнул и заставил посмотреть мне в глаза:

– Останови поезд!

– Это не поезд! – разозлилась Лири. А я обрадовался тому, что она преодолела апатию, ещё раз не без доли искренности проехавшись по той же теме:

– Да какая разница!? На колёсах, с котлом, едет – значит, поезд!

– Это Машина Творения!

– Лири, останови её!

– Я... не могу, – она смотрела мне прямо в глаза, – я не могу, я не знаю, как!

– Объясни ей, что нам нельзя в город! – я перевёл дыхание и решил. – Я сам ей объясню. Где здесь ближайшая заводь?! Где ликровый клапан? – спросил я, уже занеся руку, но не найдя глазами ни того, ни другого.

– У Машин Творения единственный – в кабине, но та закрыта специальным личным замком оператора. Я... – она заплакала, и я обнял её, покосившись на город, который всё рос и рос, уже перестав помещаться перед глазами весь, и, казалось, изготовившийся проглотить нас обоих, – я... так боюсь смерти. Мы туда въедхххра.

– Всё будет хорошо, моя милая, мы спрыгнем, – сказал тихо я ей, окинув глазами всю живописность этой железной дороги: справа пропасть, слева отвесная горная стена. Теперь я видел отступающее в пустоши основание горы: исполинское подножие из острых камней, хаотично вздымающихся по наши души, – когда мы будем подъезжать к городу, то спрыгнем, как только выберемся на ровное место. Мы сделаем это вместе, я не оставлю тебя, – я прижал её к себе ближе, – я не оставлю тебя, всё у нас с тобой будет хорошо.

– А как тебя зовут? – хлюпнула носом, горячо дыша мне в шею девушка.

– Китен, – незатейливо ответил я.

– А ведь Машина Творения не может оставить свой пост без какой-то веской причины, – сказала Лири.

– Я видел механоида с черными глазами. Наверное, с его помощью Тени пытались подчинить Машину, и она бежит от своих пленителей.

Замерев на мгновение от этой мысли, я, оставив девушку, осторожно приблизился к задней части Машины, приподнялся на цыпочки, заглядывая на пути и... да. Я увидел inferнальное клокочущее цунами из обезумевших от жажды чужих жизней Теней, которое мчалось за нами по пятам. Некоторые из них забирались прямо на отвесную стену и бежали по ней, и за их спинами... не оставалось стены, они словно обнуляли своим прикосновением материю. Я развернулся на сто восемьдесят градусов, прижавшись к спасительному металлу, и улыбнулся Лири:

– Мы не будем прыгать. Не в этот раз.

– Что нам делать? – в ужасе спросила она меня, и я оптимистично предложил:

– Давай подумаем! Что ты знаешь о Тьме и Тенях? Чего они боятся?

– Света. Солнечный свет смертелен для них потому, что Солнце – это Сны Конструктора, оплот того мира, что противостоит Хаосу.

– Ага, – принял я это к сведению, оглядев трогательные краски угасающего заката. Как бы невзначай начал накрапывать мелкий дождик, – чего ещё?

– Огня.

– Ага! – обрадовался я, огляделся, подумал и, не теряя оптимизма, снова потряс Лири. – Нам очень нужен реализуемый план!

Она оглянулась, задумалась очень крепко, а потом сказала:

– Мы можем сделать так, чтобы они не смогли уничтожить Машину и сами спрятаться внутри!

– Хорошо, опустим то, что ты не можешь взломать замок, и... давай попробуем! У нас всё получится! Что делать?

– Закалить черное вещество своей жертвенной кровью, превратив его в белое, – уверенно прошептала девушка, я ничего из этой фразы не понял, но попытался не подавать виду.

Оглянулся опять: мы больше не опускались и мчались к городу уже по финишной прямой. Времени оставалось решительно мало.

– Хорошо. Жертвенной кровью. Что за дикость? Своей? Это ты меня должна принести в жертву? – я поднялся и снова посмотрел на совсем не отстающих, несмотря на всю нашу скорость, Теней.

Они просто уничтожали всё, чего касались, и они уничтожат Машину, если успеют добраться.

– Нет, достаточно просто пролить кровь. Никаких ритуалов.

Я прикинул: для того чтобы «просто» пролить свою кровь (чем я её добуду изнутри себя, под рукой даже ничего острого нет?!), я должен буду, видимо, обойти всю Машину Творения, выбраться на котёл, долезть до самого края и совершить всякие разные иные акробатические этюды, на которые не способен.

– Лири, – я обнял её ещё раз очень крепко, – перед самыми межами мы прыгнем и побегим вбок от Машины – они ведь станут преследовать её и забудут про нас, ведь так?

Она обняла меня, сникнув, отчаянно и горько разрыдалась в плечо: мы понимали, что это вообще не план. Что мы не можем ничего сделать, что она сейчас умрёт, и я... о, Сотворитель! Я... мог просто держать её в объятиях до самого конца.

– Эй, – ласково позвал её я, – можно мне задать тебе личный вопрос?

– Да... можно, – сказала она мне с доверчивой нежностью.

– Вот эти словообразующие штуки на конце вроде «ххра» или «тзце» – это всё-таки суффиксы или окончания?

Её глаза отразили искреннее удивление¹ и застыли: мы пронеслись сквозь межи и, оставив Тени за их границами, Машина, постепенно сбрасывая скорость, продолжила ехать. Вперёд. В своё отобранное у Теней завтра. Лири всё ещё обнимала меня. Мгновением позже она поняла, что не пострадала, что прошла сквозь границы совершенно безболезненно. Так, будто она имела назначение. А ещё через секунду осознала, что я больше не стою на ногах, что меня трясёт, как задыхающегося, и... она не удержала меня: больше того, она рефлекторно меня оттолкнула от страха.

Я упал, ничего не чувствуя кроме жуткой боли. Я даже не заметил, как приземлился на песчаную отсыпку, смягчившую удар. Я видел тогда очень ярко, почти как наяву, Ювелира, стоящего спиной к только что написанной и ещё не пострадавшей от огня «Ночи Оннавы». Каким-то образом демон словно сливался с картиной, становясь ожившей её частью, и понимание этого слияния всё так же жило в моих собственных инстинктах и наследственной памяти, как память о Хаосе. Я видел Коду. Она тянулась от мёртвого тела мастерицы, хваталась белыми пальцами за испачканные в чужой крови руки демона, касаясь мрачного самоцвета. «Я это видела, – шептала Кода, – я это видела тоже. Пожалуйста, позволь мне помочь, я вместе с тобой хочу пройти через это...» И я понимал, что дорога, о которой она говорит, это путь безумия, ужаса и непонятого ещё нами перерождения через муки. И я тоже понимал, о чём она говорит, но я не хотел, о нет, я вовсе не хотел идти этой дорогой.

– Скорее! – закричала на кого-то над моим ухом Лири. – Помогите же ему! Помогите!

Механоид, чью фигуру я видел глазами, но разумом не мог ни оценить, ни распознать, присел рядом со мной, коснулся своим ликровым клапаном моего, давая назначение на пребывание внутри межей постфактум, и я смог, по крайней мере, сделать вдох. Я лежал и ничего не чувствовал, ничего не слышал...

– О, Сотворитель! – запричитала рядом Лири, обняв меня в довольно навязчивой манере и всхлипнув прямо в ухо. – О, Сотворитель, какое счастье!

– Кто это такой? – с вежливой холодностью уточнил мой спаситель. Очень опрятно и дорого одетый механоид с приятным, но бесстрастным лицом.

– Это ещё предмет для дискуссии, – ответила Лири, а дальше снова счастливо сжала меня в объятиях. Я издал для неё стон.

¹ И не удивительно, поскольку эти штуки назывались «атрибутами следования» и являлись самостоятельными частями слова, полностью редуцировавшимися со времён, когда лайре был живым языком.

– Каково ваше назначение? Какое отношение вы имеете к Теням? – задавал вопросы незнакомец, и тут я понял, что больше не могу позволить себе пребывать в наполненной эйфорией осознании собственной бытийности, каким бы соблазнительным ни являлось это время-препровождение. Я преодолел слабость и заявил так твёрдо, как мог:

– Мелания – это не болезнь, – и дальше, чуть засомневавшись в уместности этого высказывания, разъяснил, – это особенность.

– Город, – вдохновлённо прошептала Лири, – город, не указанный на картах, где не работает открытое назначение, но работает мастерское! Я знаю, какой это город! Пойдёмте скорее, я знаю, как его спасти!

Глава 2

Я и плохая погода в городе Цветные Крыши

Когда я задремал, то увидел Коду. Она взяла со стола бокал с белым вином. Напиток имел очень красивый и насыщенный, почти янтарный цвет. Мне на мгновение показалось, что в стекле сверкает пойманное маленькое утреннее солнышко. Демонесса пригубила вино и неторопливо, с ласковой неспешной грацией, неслышно ступая по тёплому тёмному полу, направилась к огромному панорамному окну. За его прозрачной стеклянной стеной шумел белыми кудрявыми струями водопад. Она находилась в просторной и очень светлой комнате. Здесь струился свежий и лёгкий, словно наполненный тоненьким хрустальным звоном музыки ветра, воздух.

Кода подошла к сидящему в кресле у окна Ювелиру и ласково коснулась губами его волос. В ответ он, не отвлекаясь от своих мыслей, рассеяно дотронулся рукой до её щеки. Демонесса улыбнулась тепло и, обойдя кресло, села на пол рядом с Ювелиром. Она устремила взгляд на захватывающую красоту водопада, и не спеша сделала ещё один глоток. По комнате стелилась тишина. Если не считать отдаленного шума воды, падающей вниз на острые камни, дробившие тяжелые фалды в мелкую пыль, ничто не нарушало полотна безмолвия, укрывшего этот дом.

Демон, перебирая что-то в голове, задумчиво выдохнул ароматный табачный дым. Механический пёс, почти задремавший у ног хозяина, при приближении Коды проснулся и ткнулся мордой ей под руку. Она приласкала его и прислонила голову к Ювелиру. Сейчас она наслаждалась невозможным для себя счастьем, так, как будто имела на него право. Будто выторговала, вырвала его у судьбы с боем, получив свои три дня на то, чтобы примерить ту маску, которую одну ей хотелось бы носить на себе всегда... Но любым мечтам уже никак не сбыться, потому что далеко отсюда в хрустальном куполе Бирюзовых Сводов разрасталась сеть трещин. И я уже мог смотреть на мир Снами Зимы...

Я чувствовал себя рассеянной водной завесой, я чувствовал тело Зимы и чувствовал её дыхание, её стремление посмотреть в те глаза, что заставят её проснуться к сознанию, но я был лишь изморосью на её ресницах, и я не мог коснуться её рукой. Мне вдруг стало страшно, что я никогда и не смогу...

Я проснулся. Точнее... я не то чтобы проснулся, скорее я расстроился из-за того, что мне не удалось толком подремать. На окно вагона набегал холодный дождик. Нужно думать, он только что и проник в мои сны. На стекле расплзалась, прочерчиваясь то тут, то там жирнее от новых капель, прозрачная водяная сеточка, напоминавшая мне линии железных дорог.

Чувствовал я себя неважно, ещё не совсем отойдя от того, что случилось со мной, когда мы попали в город, к тому же болела шишка на лбу, и попытки поспать только меня раздражали.

Повреждение ликровых вен в организме никак не болит: это не то же самое, что ушибить руку или получить по зубам. Никакая часть вашего организма не скрипит и не ноет, а просто плохо всему телу одним куском. Моей же системе ликроснабжения родной механики здорово не повезло сначала пострадать от холода в Снах Зимы, а потом получить чуть ли не ожог при пересечении межей без назначения. Не думаю, чтобы всё это стоило принимать всерьёз, но неприятностей мне вполне хватало.

Сейчас я хандрил, забравшись с ногами на полку купе в поезде. Этот состав, встретивший нас по прибытию в город, подобрал нас по просьбе того, застегнутого на все пуговицы, механоида, который дал мне назначение.

Я пытался укрыться Лириной курткой, но та, являясь скорее красивой спецовкой, совсем не грела. Особенно морозило ту ногу, что осталась босой. Подумав об этом, я вздохнул: ни я, ни уж тем более Лири не найдём здесь подходящей обуви. Потом я снова вспомнил глаза того парня, что чуть меня не убил. Я содрогнулся и смирился. Не в ботинках счастье.

В купе сейчас я находился один. Я помню, что нас предупредили о том, что путь до самого города займёт минут сорок. Так далеко межи от жилой части отстояли, потому что город готовился к расширению. Сев и подвинув несчастную ногу ближе к радиатору под окном, я как раз увидел приготовления этому волнующему событию: убиралась почва, в подготовленные котлованы закладывались рельсы. По ним будут переезжать дома... Вообще, мне бы хотелось остаться здесь на само расширение и посмотреть, как город будет увеличивать размеры улиц, передвигая дома, становиться просторней. Наверное, в городе состоится большой праздник!

Сам я расширения никогда не видел. Мои родные Котлы меняли объём всего один раз – город наоборот сузился после того, как наше не слишком большое в мировых масштабах предприятие проиграло конкурентную борьбу, и его выкупил один из промышленных монстров. У нас в городе располагалась далеко не штаб-квартира, а просто одна из производственных ветвей, и её решили закрыть. Работы лишилась добрая треть населения, и специалисты уехали, многие с повышением в большие города. А Котлы остались опустевшими: вслед за уменьшением населения пошла волна частных банкротств, и вскоре городу пришлось сузиться и усыпить часть домов, чтобы потреблять меньше энергии.

– К сожалению, чая уже нет, – сказал вошедший в этот момент моих размышлений механоид. Тот, застёгнутый на все пуговицы. Когда он открыл дверь, в купе проникли звуки из коридора, и перестук колёс стал громче. За мужчиной в купе проскользнула и Лири. Девушка сразу уселась рядом со мной и участливо меня обняла. Я убрал её руку. Жаль, что нам не досталось чая: я бы поел из него карамели.

– Кроме того, – продолжил говорить мой новый знакомый, – я повторно попрошу вас воздержаться от использования ликровой сети до момента, пока вы не пообщаетесь с эпидемиологическим фильтром.

– Надеюсь, это произойдёт скоро, потому что я уже очень давно не чистил ликру, и это уже создаёт опасность для моего здоровья, – напомнил я мрачно.

– И не только это, – согласился мужчина и устроился напротив нас. Его взгляд скользнул по нашим ногам, и Лири поджала пальцы, спрятав свою голую ступню за мою. – Моё имя — мастер Аваор.

– И вы мастер Центра этого города, – не то, чтобы угадал, скорее, просто сказал я, поскольку уже точно это знал.

– А этот город – Цветные Крыши, – тоже блеснула Лири, и мастер отдал нам обоим знак согласия.

– Вы привели Тени к его межам. Вы из Храма, – это скрытое обвинение попало в цель. Даже зная суть манипуляции, я всё равно почувствовал себя виноватым.

– Всё, что я знаю о Цветных Крышах, – начала оправдываться Лири, – так это то, что город уничтожил Хозяин Гор во время красной чумы. Из-за эпидемии.

– Болело две трети населения, – подтвердил наш собеседник. Я невольно прислушивался к его акценту: неяркому, какому-то осторожному, но цепляющему собеседника произношению некоторых букв. – Но Хозяин Гор не уничтожил этот город. Напротив, он заключил с ним вечный союз, сделав своим доменом и навечно оградив от Храма и Центра.

– Но... – не очень понял я этого маневра, – в городе всё же есть Центр?

– Эта ветвь действует только внутри городского союза Цветных Крыш и не интегрирована в Полотно мира, – ответил мастер Аваор и проследил за нашей реакцией. Он подозревал, что мы рисуемся и, возможно, действуем под прикрытием. Я об этом совсем не подумал и беззастенчиво подался вперёд:

– Как не интегрирована? А как же вы живёте: как перемещаете механоидов по городам, как выполняете заказы предприятий на редких специалистов, как формируете микрогруппы? Социальные девиации, тойя, нойя, оборотни, как вы всё это...

– Пушистик! – оборвала меня Лири, и когда я, замолкнув, на неё посмотрел, напомнила. – Я думала, ты демонолог.

– Демонолог, – повторил мастер Аваор, пока я прожигал взглядом выглядящую довольно виноватой Лири.

– Нет. Я не демонолог. Храм хотел, чтобы я им стал, но зря. Я влюблён в Зиму, а не в Храм и ничем господину Ювелиру не обязан, – я сказал это для того, чтобы отвести глаза мастеру Центра, но уже в середине фразы понял, что мне нравится эта идея, а к концу – что я, вообще-то, и не вру совсем. Я действительно злился на мастера Конструктора, а через него и на остальных принимавших в «моём» проекте участие демонов и механоидов, поскольку я не хотел считать свою судьбу чьей-то ещё. Я собирался жить сам по себе.

– У Зимы начался новый цикл? – быстро, не позаботившись завуалировать свой интерес, спросил наш собеседник. И дальше объяснил таким тоном, будто тянул билет всамделишной бесприигрышной лотереи. – Город Цветные Крыши очень благодарен госпоже Зиме за то, что она не пришла сюда во время Красной Чумы, хотя мы знаем, что её пытались заставить. И мы гордимся тем, что её возлюбленный и невенчаный супруг родом из нашего города. Он работал в том же здании, где теперь я мастер.

«Вон оно как! Значит, я еду в важное для моей Зимы место», – подумал я. Лири же радостно ткнула меня в плечо:

– Так ты тоже ненавидишь Ювелира?! – спросила она так, словно мне после этого следовало повесить на лацкан значок и записаться в кружок выходного дня. Как у неё всё в голове-то так работало?..

В это время поезд затормозил и стал плавно замедляться. Кажется, принявшись при этом усерднее стучать и больше раскачиваться. Мимо окна поплыла пятиугольная плитка перрона, потемневшая от уже давно не кончавшегося дождя. Под стеклянный навес мы въехали почти сразу же, как началась платформа. Видимо, дожди здесь частые гости, и архитекторы сразу учитывали их.

– У выхода из поезда будет ждать многоточечник. Он довезёт нас в Центр. Там мы продолжим говорить, возможно, при участии высокого совета города. Пожалуйста, продумайте заранее свои слова: мы должны знать всё о Тенях у наших межей.

Я отдал знак согласия и подумал тихонечко о том, будут ли при этом нас угощать обедом. Конечно, не будут, но, с другой стороны, обычно этикет предписывает предложить чай. А чай можно попросить сладкий. Дальше я подумал, что уже думал о сладком чае, и мне стало грустно. Я перевёл взгляд на перрон. Качнувшись в последний раз, он застыл.

Мастер Аваор вышел из купе. Скоро я увидел его на улице. Для него действительно подали многоточечник прямо к поезду. Я их видел вблизи только в детстве, ещё до сужения города, и потому почти прилип к окну:

– А ты каталась на таких?

– Нет, – ответила демонстративно безучастно Лири, – в Храме же нет улиц – зачем там ездить по стенам домов?

– Для быстроты и удобства, – рассудил без запинки я, разглядывая восемь независимых механических ног транспорта (каждая из них, по слухам, отдельный живой механизм), – а то у вас всё коридоры да коридоры, так агорафобию можно заработать.

На этом за нами пришел оператор транспорта, и мы прошли (а по улице – попрыгали на одной ноге) до многоточечника. Машина присела, забирая нас внутрь (мастер Аваор ловко вскарабкался прямо по одной из ног, продемонстрировав умение механоида, очень часто имеющего с ними дело). Дальше за нами закрылась дверь, и мы поехали.

Я был счастлив.

Многоточечник ловко вскарабкался по опоре на крышу вокзала и там, разминувшись с несколькими такими же, поспешил уйти на одну из крышных магистралей.

Я хотел посмотреть на город, но многое скрывалось из виду. Все сливалось в одной серой дымке набегающего с неба дождя. К тому же стремительно вечерело и бусинки фонарных огней проходили через капли на смотровом стекле, превращаясь в световые кляксы. Если прищуриться определённым образом, их можно легко принять за своего рода витражные розы, какие бывают во всяких старых церквях и зданиях Центра. Я обожал так играть со светом, но мне редко доводилось этим заниматься в движении, меняя одну рыжую кляксу на другую и собирая из этих витражных цветов целый сад, структурированный придуманными железными рамами и настоящей световой геометрией.

Лири, пока я занимался окном, мрачно молчала в своей части многоточечника, но по глупости я опять не испугался. Пока мы ехали, краски дня уже совсем погасли, и города стало вовсе не различить, а дождь зарядил до конца ночи. Впрочем, сама поездка и не заняла много времени.

Многоточечник остановился на крыше здания Центра кадрового администрирования, присел, чтобы мы могли удобно выйти, а я отметил, что нас не повели через главный вход. Может, чтобы избежать толпы в фойе (вечером часто регистрируют браки и бывает шумновато), а, может, от того, что не хотели, чтобы нас кто-то видел.

Выйдя, мы добрались до крышного входа в здание, и я в темноте всё-таки наступил носком в ледяную лужу, ловко притаившуюся в полумраке (тёмная вода и крыша тоже тёмная). Мастер Центра тихо попросил нас поторопиться. Я отметил, что, несмотря на то, что мы уже разговаривали, я всё ещё не успел составить собственного мнения о нём.

Он появляется там, где надо, говорит вроде бы приятные вещи и, что особенно важно, когда нужно говорить неприятные – не лжет и не юлит. Он вообще не старался составить у меня какое-то о себе впечатление, что очень необычно для сотрудника Центра, поскольку по инструкции мы почти всегда обязаны перед клиентами его создавать: приятное впечатление, или давать ощущение поддержки, а иногда рождать и обратные чувства.

Пока я размышлял, нас проводили через обустроенную часть чердака, официальную лестницу и закрыли в одной из совещательных комнат. Внутри стояла мебель, но вся – немецкая, без единой ликровой вены, и в стенах тоже никаких заводов.

– Они издеваются, – грустно констатировал я, подумав, что уже съел бы что угодно.

– Это, скорее всего, карантинная комната, если город находился в изоляции столько времени, то наши свободные агенты войры могут заразить здесь ликру, вызвав информационные сбои, а то и вовсе эпидемию. Слушай, – загорелась Лири неожиданной, но отвлеченной от нашего разговора догадкой, – я подумала, возможно, цитадели Хозяина Гор перестали работать из-за этого города.

– В смысле, он поддерживает город вместо цитаделей? А это как-то можно подтвердить расчётным методом? – начал я уже вяло соглашаться. Но потом вспыхнул и обернулся к Лири. – Ничего этот город не изолирован! Во-первых, Центр всё равно пользуется одними и теми же ликровыми протоколами. Они поддерживаются в Храме, иначе у них тут это должна стоять машина по насыщению ликры размером с железнодорожный вокзал, а обслуживать её бы пришлось половине города. А мастер этот, что нас встретил...

– Он ученик Ювелира, – согласилась со мной Лири. – Я никогда не слышала об огранчике с таким именем, хотя, судя по его возрасту, должна бы, но он точно воспользовался камнем, чтобы успеть к прибытию Машины Творения.

– Или просто стоял там рядом, – напомнил я ей принцип дурака. – Начинать нужно с очевидных объяснений.

– Мастер Центра просто стоял, ничего не делая, на отсыпке у железной станции в шести-десяти километрах от вокзала, очевидно же, да!

– Мастер Аваор не учился у демона, чьё имя не произносится в Цветных Крышах, но брал уроки у мастера Райхара во время обучения в Храме, – произнесла вошедшая в зал молодая женщина. Возможно, она чуть старше меня, но скорее – только психологически, а по годам – в действительности ещё и моложе. Короткая стрижка, что очень её красила, однотонный сарафан с блузкой, застёгнутой под горло, оживлял красивый гарнитур из сережек и браслета, подобранный в тон родной механике пальцев. Она представилась, назвавшись личной помощницей мастера Центра. Звали её Лерен. Я заметил, что мочка правого уха у неё припухла, виднелась капелька засохшей крови у венчальной сережки. Бедняжку только что отозвали с её собственной свадьбы.

– Обычно частные уроки у огранщиков никто не берёт, – засомневалась Лири, но я как-то уж догадался, что происходит, и произнёс:

– Если только у тебя не чисто индивидуальная программа обучения. Или иными словами – если ты не гений. А гениям часто не хватает обычных городов, ведь они избраны Сотворителем, а значит, им нужно нечто особенное. Вот и выходит у нас – гениальный мастер в отверженном городе, ну не героически ли звучит?

– Мастер Аваор – скромный механоид. Прежде всего, он много работает, – заступилась за своего начальника девушка. И у меня сомнений в её искренности, как и в интеллекте, не возникло – скорее всего, Лерен сама принадлежала к первой ступени интеллекта (ваш хвостатый повествователь обучался на третьей и мог перейти на вторую, но провалился). Впрочем, провинциальность и изолированность города, скорее всего, многое в ней загубили.

Пока она брала у нас пробы ликры, для того чтобы определить, представляет ли она или свободные агенты войры в ней опасность для ликровой системы города, дверь в комнату отворилась снова. Это вернулся мастер Аваор, за ним осторожно ступала высокая женщина с медными волосами и глазами, чей цвет можно назвать и зелёным, и карим в зависимости от освещения. Она носила строгое дорогое изумрудное платье и даже в помещении не сняла перчаток. Мне понравилась её шея, обрамлённая несколькими прядями из причёски под шляпкой, и эстетичные мимические морщинки у глаз. Они предавали её взгляду одновременно и ищущий, и уверенный тон. Видимых механических деталей я в её теле не заметил.

– Господа, – пригласил нас к разговору мастер Аваор, и эта интонация оживила у меня в памяти светлый образ нашего лектора по ораторскому искусству, – откуда появились Тени, и откуда на Машине Творения появились вы?

Мой преподаватель по ораторскому искусству был умудрён годами настолько, что разваливался, кажется, каждое утро и собирал себя заново с какими-то новыми ошибками. Руки его часто тряслись, голова на тощей шее тоже ходила ходуном, сухие губы над беззубым ртом шамкали, колени подгибались, а сам он скрипел так, что нам постоянно хотелось позвать ему врача. Но он всё равно нас учил, и мы всё равно его слушали. Хотя я и не верил, что его дисциплина действительно может пригодиться мне в жизни. Но вот, я оказался на экзамене, буквально устроенном самой жизнью, и, посмотрев мастеру Аваору в глаза и вспомнив всё, чему меня учили, промычал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.